

Общая газ. - 2000. - 10 февр. - с 10.

Зачем я не урод?

Анатолий Королев придумал
новый проклятый «русский вопрос»

ОТКРЫТАЯ КНИГА

Обсуждением романа Анатолия КОРОЛЕВА «Человек-язык» («Знамя», № 1, 2000 г.) «ОГ» начинает новую рубрику. В ней мы будем рассказывать о наиболее ярких литературных произведениях прошедшего месяца. «Ярких» — значит своеобразных и во многом показательных для нынешней литературы. Мы будем говорить о писателях, не избалованных безоговорочным приятием. Но в то же время — что, может быть, более важно — не обиженных читательским равнодушием. Москвич Анатолий Королев — автор романов «Гений места», «Голова Гоголя», «Эрон» и пр. — как раз из таких прозаиков.

Герои нового романа «Человек-язык» — врач-идеалист Антон Кирпичев и его невеста Таша — со всей широтой души привечают уродца от рождения, человечка с огромным языком по имени Муму. Параллельно протекает история человека-слона Джона Меррика, что позволяет автору не только всевозможные русско-британские «рифмы», но и несколько финалов: тургеневский (похищенный цыганами, герой собирает милостыню), эфиопский (Муму становится божеством папуасов) и отечественный (человек-язык сам роет себе могилу у монастыря и тихо умирает). Даже из упрощенного (да простит нас автор) пересказа видно, что «Человек-язык» способен вызвать самые разноречивые отзывы. Особенно у таких ревностных читателей, как профессиональные литературные критики.

Николай АЛЕКСАНДРОВ «Эхо Москвы»:

НЕОДНОЗНАЧНОЕ отношение к роману происходит от его двойственности. С одной стороны, Королев постоянно играет. Он сам признается, что его роман в какой-то мере реакция на знаменитый фильм Дэвида Линча (хотя в этом указании на одинаковость историй прочитывается ирония). Другой «источник» — тургеневский рассказ «Муму», только безъязыкость Герасима заменяет огромный язык героя Королева. Думаю, роман Королева иллюстрирует беду многих нынешних литераторов. Они привыкли писать книги в расчете на определенную читательскую сытость и любят злоупотреблять экзотикой. Таков и роман Королева: открыто намеренный, игровой, экзотики в нем в избытке. Так что автор вроде бы вполне мог ограничиться экскурсией по больнице, смакованием страдания сямских близнецов и пр. Но Королев этим не ограничивается. Сегодня, когда происходит процесс читательского пресыщения экзотикой, удача Королева в том, что за видимой броскостью в его романе неожиданно проступает человеческая интонация, едва ли не сентиментальность. Она сильнее, чем экзотичность формы, поиск необычного и оригинального. Главное для Королева — рассказать историю, притчу, вызвать эмоциональный отклик. Когда это удается, роман становится совершенно иным чтением.

Андрей ВАСИЛЕВСКИЙ «Новый мир»:

ТЕРАТОЛОГИЯ — это наука о врожденных уродствах. «Так вот, если у англичан был человек-слон, то у нас есть человек-язык». Королев обстоятельно пересказывает — для тех, кто не видел, — фильм Линча, но большую часть книги занимает история отечественного уродца. Он святой, зовут его Муму, на него мочатся в подъезде. Мой тон может пока-

заться (полит)некорректным — ведь врожденные уродства не являются, к несчастью, выдумкой романиста — даже бесчувственным, таков он и есть, но причину следует искать не во мне. Язык является большим местом и самого романа, съязвила Мария Ремизова в «Независимой газете». Настолько большим, добавлю я, что по прочтении остается осадок в виде какой-то даже личной неприязни к господину сочинителю. Далеко не самая сильная цитата — наугад щелкнул мышкой по тексту романа, выставленному в Интернете: «Настойчивость ее (безногой купальщицы. — А. В.) наслаждения молчанием воды и прохладой была сродни молитве: гуманизм воды безупречен (курсив автора. — А. В.)». На бис: настойчивость наслаждения молчанием воды... Что тут скажешь? Я ведь не тератолог.

Карен СТЕПАНЯН «Знамя»:

РОМАН «Человек-язык» является, на мой взгляд, лучшим у Королева после «Головы Гоголя». Этот роман лишней раз доказывает, что постмодернизм не сводится лишь к ерничанию и глупой иронии. Более того, если такие произведения, как «Старая девочка» Владимира Шарова, «Андеграунд» Владимира Маканина и «Свобода» Михаила Бугова были постмодернистскими главным образом по мироощущению и достаточно традиционны по форме, то «Человек-язык» показывает, что и форменные достижения постмодернизма могут быть, при наличии ума и таланта, использованы для достижения серьезного художественного результата. Умело сочетая традиции русской прозы с самыми современными находками мировой литературы и кинематографа, искусно балансируя на грани чистого эстетизма, но почти никак не переходя эту грань, Королев создал произведение, заставляющее по-настоящему переживать и мыслить. А порой — такое впечатление, что даже незаметно для себя автор добира-

ется до таких метафизических глубин, которые уже не ожидаешь встретить у современного писателя.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ «Известия»:

МНЕ роман Королева читать было крайне неинтересно: время натужной и неестественной прозы давно прошло. Разгадывание, кто стоит за той или иной цитатой, — занятие скучное. Тем более что в данном случае разгадки слишком просты. Что же до богоборческих мотивов и философских глубин, то я вчитываюсь в них, только если стилистая ткань романа обволакивает их естественно. В данном же случае я, как читатель, остаюсь вливаюсь на первом, самом поверхностном уровне.

Сергей БОРОВИКОВ «Волга»:

НАЧАВ читать, готов был к неприятию. Настолько за последние годы литература приучила нас к изображению гадости и уродства в разнообразных формах, что на них, как на ТВ-информацию, возникла аллергия. Но роман Королева оказался не просто другим, но вообще новым, небывалым или давно забытым в русской литературе словом. Некогда юродивые обретались на папертях, как едва ли не самые близкие к Богу. Сейчас их место заняли профессиональные вымогатели-алкаши. Так и в литературе: сострадание заменилось, в лучшем случае, необременительным сочувствием. Королев пошел неимоверно трудным путем изображения уродства как человечности, а привычных будничных отношений во многом как патологии. Пленяет при этом избирательное бесстрашие писателя. Ведь на таком «материале» опасности подстерегают его в каждой строчке. Королев обошелся без набившего оскомину постмодернистского кривлянья. «Человек-язык» написан очень по-новому, в хорошем смысле авангардно, может быть, стоит сказать о нем — «авангардный реализм», или, как там у Достоевского: «фантастический реализм».